

ПРИНЦИП ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В СТРУКТУРНОЙ ТЕОРИИ Р. ЯКОБСОНА И К. ЛЕВИ-СТРОССА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

О. К. Кошмило¹

¹*Тольяттинская академия управления, Тольятти, Российская Федерация*

АННОТАЦИЯ

Введение. Цель исследования заключается в анализе значения и функции принципа эквивалентности в онтологическом аспекте, который предполагает её сопоставление с логико-субстанциалистской неэквивалентностью субъекта и мира как предиката. Если в одном случае вербальная символизация мира уравнивается трансцендентным началом с пределом в имени бога, то в другом – точкой сборки дискурсивной репрезентации выступает всеобщность местоимения в качестве истока концептуальной универсализации.

Материалы и методы. В статье рассматривается опыт раскрытия К. Леви-Строссом и Р. Якобсоном функции эквивалентности в поэтическом произведении как «системы эквивалентностей, вложенных одна в другую» (на примере стихотворения Ш. Бодлера «Кошки»). В теоретическом отношении исследование обращено к базовому корпусу философской классики, а также к современным междисциплинарным исследованиям в сфере анализа поэтических тропов. Методологической основой исследования являются лингвоонтологический и герменевтический подходы, исследующие онтологический функционал частей речи и поэтических тропов.

Результаты исследования. Вкладом структурной поэтики Якобсона и Леви-Стросса является описание эквивалентности сюжетно-семантической вариативности и композиционно-синтаксической инвариантности, единой, например, и для поэтического произведения, и для жанра сказки. В обобщенном виде сюжет художественного творения, имеющего ритуальный исток, завязывается на этапе страдательно-искупительной метафоризации реальности в жертвенный объект-образ, а развязывается на этапе радостно-евхаристической метонимизации субъекта-героя.

Обсуждение и заключения. В поэтическом произведении вслед равнозначности фонетических, морфологических, грамматических единиц речь достигает онтологического уровня эквивалентности метафоризации мира и метонимизации субъекта. Метафоризация реальности пресуществляет мир в образ, являющий его бытийную целостность в единстве небесного и земного. Метонимизация смещает субъекта на периферию созерцания в преодолении его субстанциальности. В практическом отношении анализ функций принципа эквивалентности намечает перспективы онтологическо-поэтической аналитики художественных феноменов.

Ключевые слова: эквивалентность, Якобсон, Леви-Стросс, метафоризация, метонимизация, субъект, предикат, имя, местоимение

Для цитирования: Кошмило О. К. Принцип эквивалентности в структурной теории Р. Якобсона и К. Леви-Стросса: онтологический аспект // Вестник Мининского университета. 2026. Т. 14, № 3. С. 14. DOI: 10.26795/2307-1281-2026-14-3-14.

**EQUIVALENCE PRINCIPLE IN STRUCTURAL THEORY
BY R. JACOBSON AND C. LÉVI-STRAUSS: ONTOLOGICAL ASPECT**

O. K. Koshmilo¹

¹Togliatti Academy of Management, Togliatti, Russian Federation

ABSTRACT

Introduction. The aim of the study is to analyze the meaning and function of the principle of equivalence in the ontological aspect, which involves comparing it with the logical-substantialist non-equivalence of the subject and the world as a predicate. If in one case the verbal symbolization of the world is balanced by a transcendent principle with a limit in the name of God, then in the other case the point of assembly of discursive representation is the universality of the pronoun as the source of conceptual universalization.

Materials and methods. The article examines the experience of K. Levi-Strauss and R. Jacobson's disclosure of the equivalence function in a poetic work as «a system of equivalences embedded in one another» (using the example of a poem by Sh. Baudelaire's «Cats»). Theoretically, the study addresses the basic body of philosophical classics, as well as modern interdisciplinary research in the field of poetic trope analysis. The methodological basis of the research is the linguo-ontological and hermeneutic approaches.

Results. The contribution of the structural poetics of Jakobson and Levi-Strauss lies in the description of the equivalence between plot-semantic variability and compositional-syntactic invariance, which is common, for example, both to a poetic work and to the fairy-tale genre. In a generalized form, the plot of a work of art with a ritual origin is established at the stage of the suffering-redemptive metaphorization of reality into a sacrificial object-image, and is resolved at the stage of the joyful-eucharistic metonymization of the hero-subject.

Discussion and conclusions. In a poetic work, due to the equivalence of phonetic, morphological, and grammatical units, speech reaches the ontological level of equivalence between the metaphorization of the world and the metonymization of the subject. The metaphorization of reality transforms the world into an image that reveals its existential integrity in the unity of the heavenly and the earthly. Metonymization shifts the subject to the periphery of contemplation, overcoming its substantiality. From a practical standpoint, an analysis of the functions of the principle of equivalence outlines the prospects for an ontological-poetic analysis of artistic phenomena.

Keywords: equivalence, Jacobson, Levy-Strauss, metaphorization, metonymization, subject, predicate, name, pronoun

For citation: Koshmilo O. K. Equivalence principle in structural theory by R. Jacobson and C. Lévi-Strauss: ontological aspect // Vestnik of Minin University. 2026. Vol. 14, no. 3. P. 14. DOI: 10.26795/2307-1281-2026-14-3-14.

Введение

Удержав с античных времен значение космологического условия гармоничности сущего, в обстоятельствах лингвистического поворота гуманитарных наук принцип эквивалентности находит практическое применение при анализе самых разных феноменов словесной символизации мира. Обусловленная кризисом фундированной в аристотелевском субстанциализме классической субъективности онтологизация речи и языка, представ в лингвоонтологической актуализации грамматических и поэтических «априори», пошатнула монополию логической каузальности субъект-предикатного дифференциала в пользу принципа эквивалентности синтаксиса и семантики в горизонте онтологического единства языка и бытия. И в полной мере полем реализации принципа эквивалентности является вся сфера эстетики с вершиной в поэзии. По Р. Якобсону, поэтичность сбывается «в проекции принципа эквивалентности с оси селекции на ось комбинации» так, что «эквивалентность становится конституирующим моментом последовательности» [26, с. 204]. По аналогии со способом поэтизации дискурсивная концептуализация, комбинируя субъект и предикат как причину и следствие, предстает как проецирование принципа субстанциальной каузальности с синтагматической оси синтаксиса на парадигматическую ось семантики. Если в поэзисе семантическая эквивалентность превалирует над синтаксической каузальностью, то в дискурсе синтаксическая причинность довлеет семантической равнозначности. Тем самым выявляется разница двух – поэтической и дискурсивной – парадигм вербальной символизации мира, когда в первом случае репрезентация реальности собирается вокруг мифопоэтического образа, а в другом – вокруг максимально интенсивного концепта.

Контраст указанных парадигм восходит к случившемуся в VI-IV вв. в Древней Греции *переходу от мифа к логосу*, когда сначала досократики, а следом Платон и Аристотель, обусловив онтологический логос, внесли в способ его высказывания полярность синтаксисов трансцендентности и имманентности. В мистической презумпции трансцендентного зачина мира Платон предлагает парадигму, в которой оригинальная идея-образ причиняет копирующую её вещь как земную причастность небесной целостности. В платоновской эйдологии идея и вещь как диалектические полюса соотносятся не столько как два понятия в *однозначности* иерархического подчинения одного другому, но как два имени в качестве самостоятельных и *многозначных* реалий [8]. Такой пропорции соответствует закон, который, по Кассиреру, «можно было бы назвать законом нивелирования и растворения специфических отличий. Каждая часть эквивалентна целому, каждый экземпляр – виду или роду как таковому... Здесь стоит вспомнить основополагающий принцип как языковой, так и мифологической «метафоры», формулируемый обычно как *pars pro toto*» [10, с. 38]. В платонизме эквивалентность универсальных идей и единичных вещей образует широчайший горизонт трансцендентного единства мира.

В пике заявленной Платоном онтологии идеи-имени, чья трансцендентная семантика свободна от определенности, Аристотель переучреждает начало в опоре на субстанциальное доминирование умозрительно всеобщего *рода* над налично единичным *видом* (1 а 20 – 4 б 15) [1, с. 53-62]. Аристотелевский субстанциализм возводит ось *родо-видовой* иерархии понятий от единичных экземпляров до наиболее интенсивных абстрактов, высший из которых – это субстанция. Спекулятивная интенсификация логической универсалии, сопровождаясь предикацией видовой явленности родовой сущности, задает порядок, в котором «категории, отличные от субстанции, являются “предикабиями” субстанции...» [21, с. 161]. И в итоге, по характеристике Кассирера, «вид и род остаются отделенным друг от друга и не

совпадают... Эти сферы могут многообразно перекрываться и пересекаться друг с другом, и тем не менее каждая из них занимает строго определенное место в понятийном пространстве» [11, с. 37]. Иначе говоря, родо-видовая дистинктивность понятия как единицы упорядочивания мира определяется *однозначной* локализацией понятия в едином концептуальном пространстве.

Тем самым в горизонте взаимности бытия и речи/языка соприисутствуют два подхода описания вербальной интеграции реальности. И если один исходит из основанного на эквивалентности синтаксиса трансцендентной мифопоэтики, то другой – из рационально-универсалистского синтаксиса логического субстанциализма.

Обзор литературы

В антропоцентрических обстоятельствах субстанциализм находит выражение в тезисе Декарта *cogito ergo sum*, что интенсифицирует исток синтезирования понятия в местоимении Я, представляя его как безальтернативное средоточие персональной картины мира. Через полтора столетия Кант в «Критике чистого разума», объясняя системный характер индивидуального опыта *анперцепции*-восприятия, полагает условием его единства то, что все представления сопровождаются индексом «Я мыслю» как априорной формой субстанциально тождественной априорности, кардинально контрастирующей с вариативностью многообразной апостериорности. В тезисе, что «должно быть *возможно*, чтобы [суждение] *я мыслю* сопровождало все мои представления» [10, с. 95], сочетая логические модальности необходимости, действительности и возможности, Кант полагает, что учрежденное Аристотелем аподиктическое *долженствование* логической формы после него, Канта, уступает место моральному *долгу* произвольного – в лексике Канта «свободного» – признания «самоценности» субъективной воли Я [9, с. 63].

Гносеологический эгоцентризм обосновывает трансцендентальную ревизию логики, остававшейся неизменной с античных времен. Таким трансцендентальным ревизионистом оснований логики является Г. Фреге, который, в соответствии с положениями трансцендентализма Канта, представляет логическую форму как хиазм квантора всеобщности и квантора существования. Говоря о всеобщности, Фреге указывает на её функцию в качестве *формы* быть всеобщей причиной единичного *факта* как следствия. И потому, что «познавательная ценность любого закона основана на том, что закон охватывает – в качестве частных случаев – много, даже бесконечно много единичных фактов» [23, с. 371], сущностью законодательной формы выступает ось умозрительной всеобщности, причинность которой есть одновременно и подчиненность ей поля наличной фактичности [См.: 15; 25]. Грамматическим оператором субстантивации всеобщности являются местоимения типа «все» и «каждый», имеющие своим истоком Я, охватывающее *весь* человеческий род без остатка.

Уникальность личного местоимения является фундаментальной и в феноменологии Гуссерля, который полагает в качестве ядра сознания трансцендентальное Я: «Универсальное *Apriori*, которое принадлежит трансцендентальному Его как таковому, есть сущностная форма, которая содержит в себе бесконечность форм, априорных типов возможных актуальностей и потенциальностей жизни вместе с теми предметами, которые могут быть конституированы в ней в качестве действительно существующих» [7, с. 97-98]. В теории Гуссерля Я – это примордиальная точка феноменологической интеграции репрезентируемого мира, которая как местоимение сущностно ангажирует речь.

В парадигме синтаксиса имманентности также пребывает логический атомизм Л. Витгенштейна. В «Логико-философском трактате» мир репрезентируется как *совокупность атомарных фактов* [4, с. 36], где факт индуцирует мысль в качестве его «логического образа», и, как следствие, «мы не можем мыслить ничего нелогического» и «Бог может создать всё, за исключением того, что противоречит законам логики» [4, с. 50]. По Витгенштейну, репрезентация вращается вокруг логической формы в её непрерывности и тождественности. Синтаксис выражения как «логическая форма действительности» [4, с. 92] – это нечто постоянное, а его семантика как содержание – это нечто переменное [4, с. 60]. Единство постоянства синтаксиса и переменности семантики выражается в субъектно-предикатном дифференциале Я/есть.

В преодоление базового для дискурса западной метафизики от Декарта до Витгенштейна представления о том, что местоимение Я является абсолютным субъектом, по отношению к которому весь мир лишь его предикат, М. Хайдеггер в «Бытии и времени» полагает, что «“Я” можно понимать только в смысле необязывающего *формального указания* на что-то, что в конкретной феноменальной бытийной взаимосвязи разоблачится возможно как его “противоположность”» [24, с. 116]. В преодоление «соблазна» принять Я как «род “самозадания” присутствия» [24, с. 115] Хайдеггер ставит задачу «*освобождения* грамматики от логики» [24, с. 165]. И уже в «Философии имени» С. Н. Булгаков делает следующий шаг, когда в рамках положения, что «законодательство в мысли принадлежит грамматике» [5, с. 159], располагает имя (с пределом в имени Бога) и местоимение (с пределом в Я) на противоположных полюсах лингвоонтологической оси мира. Тезисом, что местоимение – это «тьнь имени» [5, с. 77], входя в резонанс с гипотезой Хайдеггера, Булгаков делает вывод о кардинальной противоположности местоимения Я и имени Бога.

В целом, осмысляя итоги лингвистического поворота гуманитаристики, неокантианец Э. Кассирер приходит к выводу о радикальном контрасте между «лингво-мифологической» метафоризацией, связанной с именем Платона, и укорененной в аристотелевском субстанциализме «логическо-дискурсивной» концептуализацией [11, с. 37]. В лингвоонтологическом измерении разница этих парадигм предстает как контраст синтаксисов трансцендентности и имманентности, где каждый по-разному ангажирует мышление семантико-синтаксическим строем речи/языка в виде взаимодействия трех базовых частей речи – имени, глагола, местоимения. Актуализируя эти части речи в качестве *ипостасей бытия* [5, с. 105], Булгаков в итоге сводит их Лицам Троицы [5, с. 339-340].

Так, синтаксис имманентности коренится в приоритетности местоимения Я как истоке логического субстанциализма, замыкающего отношения мирового объекта и человеческого субъекта в рамки эгоцентричной репрезентации мира, спиральная кумуляция которой все время остается закономерно фрагментарной. Напротив, синтаксис трансцендентности исходит из начальства имени бога, мистическая срединность которого – мера благодатной гармонизации глагольной динамики сущего и местоименной статики человеческого духа в исходную целостность мира, которую исследователь структурной теории Якобсона Э. Асадзума называет «целостностью без центра» [19, с. 363-364]. Ключевым свойством этой целостности является эквивалентность в качестве основы структурализма.

К обзору литературы нужно добавить, что и в современной гуманитаристике сохраняется устойчивый исследовательский интерес к основным методологическим приемам структурной теории в приложении к феноменам художественной словесности [См.: 16, 17, 22, 25].

Материалы и методы

Исследование опирается на подходы феноменологической герменевтики Поля Рикера, посвятившего метафоре как функции поэтизации книгу «Живая метафора». Возводя дивергенцию метафорического языка поэзии и логическо-субстанциалистского дискурса к разнице между теориями Платона и Аристотеля, Рикер осуществляет аналитику метафоричности в опоре на генезис аристотелевского субстанциализма из платоновского идеализма на пути последовательного отклонения первым второго. Основным моментом аристотелевской критики является претензия к многозначности идей-имен в сравнении с определенностью универсальных категорий, из чего Аристотель резюмирует, что «обозначать более одной вещи – это вообще ничего не означать» [Цит. по: 21, с. 166]. Видя в положении о причастности земных вещей небесным образцам лишь «поэтическое иносказание» [Цит. по: 21, с. 162], Аристотель переворачивает платоновский синтаксис трансцендентной мифопоэтичности в синтаксис имманентного субстанциализма в опоре на авторские законы логики. Их триангуляция, противопоставляя полюс определенности умозрачительно тождественной формы и полюс неопределенности чувственно противоречивого содержания и этим исключая их единство как «третье», в итоге подчиняет динамику многозначной семантики статике универсального синтаксиса суждения как субъектно-предикатного дифференциала.

В разрез с субстанциалистским дискурсом поэтичность производит включение «третьего» в ходе переноса принципа эквивалентности с оси селекции на ось комбинации. Как замечает швейцарский лингвист Э. Холленштайн, комментируя теорию поэтики Jakobsona, в поэзии происходит рокировка субъекта и объекта, поскольку «поэтическое оформление языковой среды переносит акцент с объектов, о которых идет речь, с выражаемых чувств, эмоций и желаний на саму среду» [31, р. 25]. Этим полностью обусловлено событие поэтичности, содержание которого – десубстанциализация субъекта [30, pp. 32-37].

По Рикёру, поэзис представляет иную пропорцию субъекта и предиката, поскольку «поэзия... позволяет помыслить набросок “напряженной” концепции истины; эта концепция резюмирует все формы “напряжений”, выявленной семантикой: напряжение между субъектом и предикатом, между буквальным и метафорическим истолкованием, между тождеством и различием, затем она собирает их воедино в теории расщепленной референции, и, наконец, она приводит их к кульминации в парадоксе связки, согласно которому «быть-как» означает быть и не быть. Посредством этого речевого *оборота* артикулируется и сохраняет, во взаимодействии с другими модусами дискурса, опыт принадлежности, который включает человека в дискурс, а дискурс – в бытие» [21, с. 295]. В целом поэзис – это такое взаимодействие субъекта и предиката, что преодолевает родо-видовую иерархичность в ходе метафоризации как «отклоняющейся предикации» [20, с. 418]. Упразднение контрапункта, в опоре на который всеобщий субъект доминирует над экзистенциальным предикатом, являет эквивалентность субъекта и предиката, сияющую светом включенного «третьего», восстанавливаемого путем обратного разворачивания суждения, расщепленного на субъект и предикат.

Значение эквивалентности в качестве существа события поэтичности подчеркивает российский лингвист Н. Д. Арутюнова: «Метафора выполняет в предложении характеризующую функцию и ориентирована преимущественно на позицию предиката. Характеризующая функция осуществляется через значение слова. Метонимия выполняет в предложении идентифицирующую функцию и ориентирована на позицию субъекта и других

актантов. Идентифицирующая функция осуществляется через референцию имени. Поэтому метафора – это прежде всего сдвиг в значении, метонимия – сдвиг в референции...» [3, с. 132]. К этому относится и тезис П. Стайнера, что «пойэсис – это перестройка высказывания с целью выведения на первый план конститутивных элементов языка. Это назначение достигается в ходе двух взаимосвязанных процессов: разъединения речевой цепи на основные лингвистические элементы и их повторной сборки в новые модели, определяемые той или иной формой эквивалентности» [21, с. 92-93]. Тем самым герменевтический подход нацелен на особое событие, когда в поэтическом произведении вслед за равнозначностью фонетических, морфологических, грамматических единиц речь достигает онтологического уровня эквивалентности метафоризации глагольного мира и метонимизация человеческого местоимения.

Результаты исследования

В статье «Вопросы поэтики» Якобсон заключает: «Литературоведу, склонному пренебрегать «принципом эквивалентности» в художественном произведении и настаивать на господстве асимметрии» в поэзии, много лет назад ответил Бодлер: “Вы ничего не смыслите в архитектуре слов и пластике языка”» [27, с. 85]. К феноменам указанного принципа, по Якобсону, прежде всего, относится «грамматический параллелизм», когда «любое слово или предложение, попав в построенное на последовательном параллелизме поэтическое произведение, сразу же вовлекается под давлением этой системы в плотную шеренгу связанных друг с другом грамматических форм и компонентов смысла» [27, с. 127]. И, например, «рифма, которую Хопкинс справедливо считал наглядным проявлением поэтического параллелизма, неминуемо устанавливает между звуком и смыслом отношения грамматической и лексической эквивалентности или контраста» [27, с. 90]. Тем самым в структурной поэтике Якобсона принцип эквивалентности отвечает за равновесность областей синтаксиса и семантики, обеспечивающую архитектурную целостность художественного произведения.

В свою очередь в контексте отмежевания от формализма в версии (правда, превратно понятой теоретиком) морфологии сказки В. Проппа Клод Леви-Стросс подчеркивает, что структурализм исходит из равноправия инвариантности синтаксической последовательности сказочных функций, т.е. *формы*, и вариативности их семантического наполнения, т.е. *содержания* [13, с. 150]. Телеология структуры в понимании Леви-Стросса заключается в обеспечении эквивалентности синтаксической формы как заданной функции и семантического содержания как вариативного аргумента в рамках целостности нарративной композиции. Леви-Стросс обобщает принцип равнозначности обоих полюсов в следующей «формуле»: «существует отношение эквивалентности между двумя ситуациями, определяемыми соответственно инверсией *членов* и *отношений*» [14, с. 267]. Вводимое Леви-Строссом структурное напряжение между аргументом и функцией коррелирует с тем различием подлежащего и сказуемого, которым В. Пропп характеризует состав сказочной событийности.

По Проппу, «все содержание сказки может быть изложено в коротких фразах, вроде следующих: родители уезжают в лес, запрещают детям выходить на улицу, змей похищает девушку и т.д. Все сказуемые дают композицию сказок, все подлежащие, дополнения и другие части фразы определяют сюжет. Другими словами: та же композиция может лежать в основе разных сюжетов» [18, с. 103]. То есть композиция сказки – это неизменный, хотя и

неопределенный горизонт хронотопа, в котором то и дело имеет место чудодейственность. Складываемый из сказуемых композиционный горизонт сказки, будучи кругом «возможного опыта» действующих лиц, являет собой сферу предикатного наличия сказочного мира в целом, в отношении чего сказочная событийность замкнута в контур нарративной целостности [См.: 6]. Напротив, определяемый подлежащими сюжет выступает как проникающая композиционный горизонт ось, составленная вертикалью разрыва между *злом* конфликта персонажей с миром и *добротой* их примирения. Собственно, сюжет (*sujet* – фр. «субъект») – это совокупный субъект действия, action, свершаемого в замкнутом горизонте сказочного мира. И поскольку сказочный герой как субъект сюжетно находится в композиционных рамках предикатного наличия, поэтика сказки предполагает принцип эквивалентности субъектного аргумента сюжета и предикатной функции композиции.

Структура поэтического высказывания, в понимании Р. Якобсона и К. Леви-Стросса единая и для поэзии, и для жанра волшебной сказки, организуя сюжетно-семантическое движение смысла внутри композиционно-синтаксического горизонта, представляет хиазм завязки в виде конфликта лирического и сказочного героя с миром и развязки в образе их примирения. В сформулированной Аристотелем науке поэтики ключевым моментом сюжетного «склада событий» является точка переключения завязочной фазы в виде кризиса в отношениях между человеком и миром в развязочную фазу перерождения героя и причащения его миру. Этот момент в одноименной книге Аристотель называет перипетией, «переломом» (Поэтика, 1451a22) [2, с. 657]. В отношении того, что всякий конфликт сопровождают минорные переживания страха и страдания, фаза завязки представляет жертвоприношение, в котором в жертву герой приносит себя сам.

С очевидностью искупительная метаморфоза героя явлена в волшебной сказке, претворяющей характер инициации, прежде всего, в событиях символических смерти и воскрешения в ходе замещения прежней идентичности новой. Конденсация сакрально-жертвенного значения в фигуре героя в поэтическом ключе предстает как метафоризация наличной предикатности внешнего мира. В метафоризации мирового предиката герой попускает действовать через себя тем или иным силам в магически возрождаемой, возвращаемой одушевленности представителей флоры и фауны или бытовых вещей взамен их профанной бессубъектности, что в итоге и помогает герою достичь цели и вернуться домой *целым* и невредимым.

То же самое происходит в событии поэтичности, когда лирический герой щедро наделяет окружающий мир субъектностью, широко жертвует содержанием своей души, вполне магически одушевляя небесные явления и земные стихии, благодаря чему небо *смотрит*, земля *слышит*, рощи *говорят*, воды *показывают* и т.д. Достигая на пике экзальтации переживания одушевленности мира, поэт видит его в полноте того целостного образа, созерцая который, он благодарно переживает себя как часть мира. Поэтическая партиципация в избавление от выстроенной на синтаксисе имманентности автономности замкнутого на своей «самоценной» воле Я осуществляет метонимизацию, в которой субъективность поэта благодатно левитирует в дух. В итоге поэзис осуществляется в эквивалентности Образа как итога центростремительной конденсации реальности и Духа как децентрированной субъективности [См.: 19, с. 350-364], смещенной на периферию любования миром.

Обсуждение и заключения

Демонстрацией действия принципа эквивалентности является разбор Якобсоном и Леви-Строссом стихотворения Шарля Бодлера «Кошки», рассматриваемого ими как произведение, «образованное системами эквивалентностей, которые вставлены одна в другую» [29, с. 339]. По выводу аналитиков, в сонете происходит транспозиция субъекта и мира, в которой в рамках контраста четверостиший и трехстиший уничтожается «точка зрения наблюдателя», а существо кошки помещается «вне каких бы то ни было пространственных или временных границ». И если во *внутренних* строфах кошки выступают в «функции дополнения», то во *внешних* строфах им уже отводится «функция подлежащего» [29, с. 338]. Тем самым исходно находящееся на периферии домашнее животное в финале центрирует собой мир в качестве «метафорического образа астральной и космической кошки» [29, с. 339].

Теоретики обнаруживают в сонете сюжет, развивающийся «от порядка реального (первое шестистишие) к порядку сюрреального (второе шестистишие)» при посредстве «дистиха, который на короткий миг и благодаря накоплению семантических и формальных приемов вовлекает читателя во вдвойне ирреальный мир» [25, с. 340]. Переход свершается благодаря употреблению имени бога Эреба (мрак), порождения первозданных Хаоса и Ночи. «Ирреальное» имя опосредует внешнюю «реальность» с кошками, живущими внутри дома, и внутреннюю «сюрреальность», в которой кошки преобразуются в образ мира. Так, «в первом трехстишии кошки, изначально заключенные в доме, как бы просачиваются, если так можно выразиться, из него, чтобы затем разрастаться в пространстве и во времени в бескрайних пустынях и в нескончаемом сне. Движение идет изнутри наружу, от кошек-затворниц к кошкам на воле. Во втором трехстишии уничтожение границ оказывается интериоризировано кошками, достигающими космических размеров, поскольку они заключают в некоторых частях своего тела песок пустынь и звезды неба...» [29, с. 340]. Метафоризация мира в образе кошек сосредоточена на их «мистических зрачках», что, сочетая небо («звезды») и землю («песок»), сияют единством бытия.

Поэтизация мира, в ходе которой «расширение кошек во времени и в пространстве» синхронно «сжатию времени и пространства в самой кошке» [29, с. 341], осуществляет гармонизацию искупительной метафоризации мира в целостность образа и евхаристической метонимизации субъекта в причащающийся миру дух. Сонет образует поэтическая эквивалентизация в смысле переключения вертикали субъектно-предикатного разрыва человека и мира в горизонталь финальной равновесности мирового образа и человеческого духа так, что её полюса, будучи взаимными, но не взаимозаменяемыми, сохраняют различие и исключают возможность гегелевского *Aufhebung*, подвешивания одним краем другого [См.: 19, с. 365-379].

Поэтическое уравнивание бытия представляет двойную гармонизацию, которая идет и на полюсе созерцаемого образа, и на полюсе созерцающего духа. Если кошачий образ, освобождая мир из предикатности, сияет эквивалентностью земного и небесного, то на полюсе духа происходит преодоление субъективности, расщепляющей индивида на «пылкого любовника» и «сурового ученого». Эти экзистенциальные крайности, со строгой дизъюнктивностью исключая целостность человека, примиряются духом, гармонирующим «пылкость» любовника, сосредоточенного на любовном объекте, и «суровость» ученого, нацеленного на систематизацию мира в границах сознания. По словам теоретиков, в итоге Бодлер, «поэт Кошек», освобождается от «“столь ограниченной” любви», чтобы остаться лицом к лицу со вселенной, «освободившейся от суровости ученого» [29, с. 344].

Таким образом, в поэтическом произведении вслед равнозначности фонетических, морфологических, грамматических единиц речь выходит на онтологический уровень эквивалентности метафоризации мира и метонимизации субъекта, где метафоризация реальности пресуществляет мир в образ, являющий трансцендентную целостность мира в единстве небесного и земного, а метонимизация смещает субъект в периферийную позицию любующегося миром созерцателя.

Подытожить исследование можно высказыванием о значении поэтики в отношении грамматики обыденной речи и логики как методологической основы рациональной репрезентации мира. Поэтизация, претворяя целостность мира, оказывается событием его возвращения к тому трансцендентному состоянию, где отсутствует задающий темпоральность вектор каузальности, напряженный родо-видовой иерархичностью субъекта в значении причины и предиката в значении следствия. В осуществлении «вечного возвращения» (Ницше), трансцендирования в вечность онтопоэтическая эквивалентность образа мира и человеческого духа восстанавливает целостность мира.

В этом смысле Якобсон замечает, что поэтическая эквивалентность «только часть сложной структуры, но та часть, которая с необходимостью трансформирует другие элементы и определяет вместе с ними природу целого» [28, с. 118]. Поэтичность – место подключения поэтической речи к трансцендентному имени как «природе целого», в силу чего хиазм вертикали всеобщего субъекта (Я) и горизонтали экзистенциального предиката («есть») разворачивается в *круг*, в котором растворяется разрыв местоименной статики человеческой субъектности и глагольной динамики мировой предикатности.

Круг трансцендентного имени, пребывая и в открытости ко всему сущему, и одновременно в закрытости гармонизации включенного, является истоком целостности художественного высказывания как «ретроспективной композиции», «которой в науке о языке соответствует так называемая регрессивная ассимиляция или диссимиляция», исходящей из условия, по которому, «чтобы понять фразу, нужно воспринять ее целиком, а для этого необходимо знать ее конец» [23, с. 88]. Но это же относится и к фразеологии обыденной речи, которую еще один представитель структурализма Жак Лакан вслед мысли Якобсона, являвшегося его многолетним собеседником, характеризует особой телеологией смыслообразования, закрепляемого «лишь последним словом» в том, что «каждое очередное слово предвосхищается строем предыдущих и одновременно скрепляет их смысл обратным воздействием» [12, с. 369].

То есть фразеологическая динамика, балансируя между горизонталью синтаксической комбинации и вертикалью семантической селекции, непосредственно являет *оборот*, возвратно замыкающий края в круг – эту ключевую фигуру эквивалентности. Характерно, что такой циклической сбалансированности всячески избегает логическое определение в форме суждения с его ассиметричным контрастом родового субъекта (глагол) и видового предиката (имя), со строгой дизъюнктивностью контрапунктируемых относительно субстанциального местоимения.

Как известно, в логической парадигме рационального дискурса «круг в определении», «порочный круг» ввиду исключения возможности извлечения «прибавочной стоимости» того значения, которым субъект дискурсивности упрочивает свою достоверность, *смерти подобен*. Поэтому основная фигура движения субстанциалистской репрезентации мира – это спираль, что, непрерывно размыкая круг, не может завершиться. Факт спиральности дискурсивной кумуляции указывает на круг как генетический исток спирали. Но для герменевтики, как известно, является задача не выйти из герменевтического круга, а наоборот – в него войти. В

этом отношении определяются и границы применимости принципа эквивалентности в смысле его элиминации, которая характеризует поэзию, представляющую собой «рифмованный дискурс».

Список использованных источников

1. Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 2. М.: Наука, 1978. 689 с.
2. Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 4. М.: Наука, 1978. 831 с.
3. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс: вступительная статья // Теория метафоры: сборник. М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.
4. Булгаков С. Н. Философия имени. СПб.: Наука, 2004. 447 с.
5. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. 288 с.
6. Волков Ю. К., Тихонов Н. С. Образ и смысл истории в мифологической картине мира // Вестник Мининского университета. 2025. Т. 13, № 2. С. 11. DOI: 10.26795/2307-1281-2025-13-2-11.
7. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический проект, 2010. 229 с.
8. Дунаев В. Ю. Онтология и поэтика способности воображения // Вопросы философии. 2013. № 11. С. 15-24.
9. Кант И. Критика практического разума. СПб.: Наука, 2005. 528 с.
10. Кант И. Критика чистого разума. М.: Академический проект, 2020. 567 с.
11. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры: сборник. М.: Прогресс, 1990. С. 33-43.
12. Лакан Ж. Ниспровержение субъекта и диалектика желания в бессознательном у Фрейда // Лакан Ж. Написанное: в 2 тт. Т. 1. М.: Ад Маргинем, 2024. 496 с.
13. Леви-Стросс К. Структура и форма. Размышление об одной работе Владимира Проппа // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. С. 98-120.
14. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Академический проект, 2020. 555 с.
15. Лейбниц Г. В. Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления. М.: ИФ РАН, 2005. 404 с.
16. Мартынов В. А. Лотман и постструктурализм: методологические и институциональные аспекты // Вестник Омского университета. 2026. Т. 31, № 2. С. 52-64.
17. Орехов Б. В. История стиховедения и формализм // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, № 4. С. 147-157.
18. Пропп В. Морфология сказки. М.: Наука, 1969. 168 с.
19. Роман Осипович Якобсон: сб. статей. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 538 с.
20. Рикёр М. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры: сборник. М.: Прогресс, 1990. С. 416-434.
21. Рикер П., Гадамер Х.-Г. Феноменология поэзии. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. 353 с.
22. Стайнер П. Между феноменологией и футуризмом: поэтика Романа Якобсона до Второй мировой войны // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, № 4. С. 86-106.
23. Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.
24. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2011. 460 с.
25. Цвигун Т. В., Черняков А. Н. «Определение поэзии»: Фреге vs. Якобсон // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, № 4. С. 91-104.

26. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сборник статей. М.: Прогресс, 1975. С. 193-215.
27. Якобсон Р. О. Работы по поэтике: переводы. М.: Прогресс, 1987. 464 с.
28. Якобсон Р. О. Язык и бессознательное. М.: Гнозис, 1996. 248 с.
29. Якобсон Р., Леви-Стросс К. Переписка, 1942-1982. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 424 с.
30. Hollenstein E. Five Jakobsonian Principles of Poetic // American Journal of Semiotics. 1983. Vol. 2, no. 3. Pp. 23-34.
31. Hollenstein E. Roman Jakobson's Approach to Language: Phenomenological Structuralism. Bloomington & London: Indiana University Press, 1976. 215 p.

References

1. Aristotel'. Works in 4 volumes. Vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1978. 689 p. (In Russ.)
2. Aristotel'. Works in 4 volumes. Vol. 4. Moscow, Nauka Publ., 1978. 831 p. (In Russ.)
3. Arutyunova N. D. Metaphor and Discourse: Introductory Article. *Teoriya metafory: sbornik*. Moscow, Progress Publ., 1990. Pp. 5-32. (In Russ.)
4. Bulgakov S. N. Philosophy of the Name. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004. 447 p. (In Russ.)
5. Vitgenshtejn L. Logical-Philosophical Tractate. Moscow, Kanon + ROOI «Reabilitaciya» Publ., 2017. 288 p. (In Russ.)
6. Volkov YU. K., Tihonov N. S. The Image and Meaning of History in the Mythological Picture of the World. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2025, vol. 13, no. 2, p. 11, doi: 10.26795/2307-1281-2025-13-2-11. (In Russ.)
7. Gusserl' E. Cartesian Meditations. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2010. 229 p. (In Russ.)
8. Dunaev V. YU. Ontology and Poetics of the Imagination. *Voprosy filosofii*, 2013, no. 11, pp. 15-24. (In Russ.)
9. Kant I. Critique of Practical Reason. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 528 p. (In Russ.)
10. Kant I. Critique of Pure Reason. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2020. 567 p. (In Russ.)
11. Kassirer E. The Power of Metaphor. *Teoriya metafory: sbornik*. Moscow, Progress Publ., 1990. Pp. 33-43. (In Russ.)
12. Lakan ZH. The Subversion of the Subject and the Dialectic of Desire in Freud's Unconscious. *Lakan ZH. Napisannoe: v 2 tt. T. 1*. Moscow, Ad Marginem Publ., 2024. 496 p. (In Russ.)
13. Levi-Stross K. Structure and Form. Reflections on a Work by Vladimir Propp. *Francuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu*. Moscow, Izdatel'skaya gruppa «Progress» Publ., 2000. Pp. 98-120. (In Russ.)
14. Levi-Stross K. Structural Anthropology. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2020. 555 p. (In Russ.)
15. Lejbnic G. V. Letters and Essays on Chinese Philosophy and the Binary System. Moscow, IF RAN Publ., 2005. 404 p. (In Russ.)
16. Martynov V. A. Lotman and Poststructuralism: Methodological and Institutional Aspects. *Vestnik Omskogo universiteta*, 2026, vol. 31, no. 2, pp. 52-64. (In Russ.)
17. Orekhov B. V. History of Prosody and Formalism. *Slovo.ru: baltiyskij accent*, 2024, vol. 15, no. 4, pp. 147-157. (In Russ.)
18. Propp V. Morphology of the Fairy Tale. Moscow, Nauka Publ., 1969. 168 p. (In Russ.)
19. Roman Osipovich Jakobson: A Collection of Articles. Moscow, Politicheskaya enciklopediya Publ., 2017. 538 p. (In Russ.)

20. Rikyor M. The Metaphorical Process as Cognition, Imagination, and Sensation. *Teoriya metaforoy: sbornik*. Moscow, Progress Publ., 1990. Pp. 416-434. (In Russ.)
21. Riker P., Gadamer H.-G. The Phenomenology of Poetry. Moscow, Gruppya Kompanij «RIPOL klassik» / «Pangloss» Publ., 2019. 353 p. (In Russ.)
22. Stajner P. Between Phenomenology and Futurism: Roman Jakobson's Poetics before World War II. *Slovo.ru: baltiyskij accent*, 2021, vol. 12, no. 4, pp. 86-106. (In Russ.)
23. Frege G. Logic and Logical Semantics: A Collection of Works. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000. 512 p. (In Russ.)
24. Hajdegger M. Being and Time. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2011. 460 p. (In Russ.)
25. Cvigun T. V., CHernyakov A. N. "The Definition of Poetry": Frege vs. Jakobson. *Slovo.ru: baltiyskij accent*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 91-104. (In Russ.)
26. YAKobson R. O. Linguistics and Poetics. *Strukturalizm: «za» i «protiv»: sbornik statej*. Moscow, Progress Publ., 1975. Pp. 193-215. (In Russ.)
27. YAKobson R. O. Works on Poetics: Translations. Moscow, Progress Publ., 1987. 464 p. (In Russ.)
28. YAKobson R. O. Language and the Unconscious. Moscow, Gnozis Publ., 1996. 248 p. (In Russ.)
29. YAKobson R., Levi-Stross K. Correspondence, 1942-1982. Moscow, Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS Publ., 2022. 424 p. (In Russ.)
30. Hollenstein E. Five Jakobsonian Principles of Poetic. *American Journal of Semiotics*, 1983, vol. 2, no. 3, pp. 23-34.
31. Hollenstein E. Roman Jakobson's Approach to Language: Phenomenological Structuralism. Bloomihgton & London, Indiana University Press, 1976. 215 p.

© Кошмило О. К., 2026

Информация об авторах

Кошмило Олег Константинович – кандидат философских наук, доцент кафедры связей с общественностью, Тольяттинская академия управления, Тольятти, Российская Федерация, ORCID: 0009-0002-0885-8039, SPIN code: 4577-7046, koshmilo-ok@yandex.ru

Information about the authors

Koshmilo Oleg K. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Public Relations, Togliatti Academy of Management, Togliatti, Russian Federation, ORCID: 0009-0002-0885-8039, SPIN code: 4577-7046, koshmilo-ok@yandex.ru

Поступила в редакцию: 15.01.2026

Принята к публикации: 21.09.2026

Опубликована: 30.09.2026